

СОЦИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые методологические основания в контенте социальной трансформации современного социума в целом и России, в частности. Ставится задача исследовать общие, универсальные и уникальные, особенные и единичные параметры демократического процесса политической системы. Даются развернутые характеристики оснований и посылки для представленных выводов и определений. Обосновывается, что, являясь главным потоком течения процесса политических перемен, демократия различных политических систем принадлежит к основным принципам государственности, наряду с границей и суверенитетом, и никакой экспорт, или транзит, осуществляемый извне, ни эффективным, ни даже легитимным не представляется. В основе развития демократии и как части политического процесса и как феномена государственности лежат объективные социально-экономические основания и соответствующие им субъективные условия в границах национальной идеологии.

Ключевые слова: социальная трансформация, экономическая формация, общественное сознание, политическая идеология, электоральная демократия, социальная революция, глобальный проект.

SOCIAL TRANSFORMATION: SOME ASPECTS OF THE METHODOLOGY OF THE STUDY OF ELECTORAL DEMOCRACY

Abstract. This article discusses some methodological basis in content of social transformation of modern society in General and Russia in particular. The aim is to explore the common, universal and unique, special and individual parameters of a democratic political system in the process. Provides detailed characteristics

of bases and assumptions for the presented findings and determinations. Justified, as the main thread of the process flow of political change, democracy different political systems belongs to the fundamental principles of statehood, along with border and sovereignty, and no export or transit, implemented by outside, nor efficient, nor even legitimate. The basis for the development of democracy and as a part of the political process and how the phenomenon of statehood lies objective socio-economic reasons and their corresponding subjective conditions within the boundaries of national ideology.

Keywords: *social transformation, economic formation, social consciousness, political ideology, electoral democracy, social revolution, global project.*

Сегодня, по мере практически полного провала стратегического курса элит Запада на демократический транзит¹ и модернизацию, на усиливающуюся по экспоненте окончательную деградацию принципов частно-капиталистической организации социума, превращение экономики в игровое поле математического моделирования и открытой спекулятивной деятельности коррумпированных верхов, в Российской Федерации представители либерального наукообразия выдвигают тезис, что, *достигнув в результате распада СССР демократии, государственная бюрократия, перераспределив коммунистическую собственность в свою пользу, исказила и опорочила либеральную демократию как таковую.*

Тезис ни плох, ни хорош, единственный его недостаток в том, что он не имеет ни логического, ни исторического обоснования. К тому же, ошибка в основании умозаключения о всеобщности и уникальности такого инструмента политики, как демократия, выводит всю подобную логическую цепочку из системы научного знания.

Но как факт публикующихся и продвигающихся интерпретаций утверждение имеет место, и оно должно быть рассмотрено и занять свое место там, где по результатам анализа ему надлежит находиться.

В настоящее время существует ряд постулатов, описывающих состояние проблемы:

- считается, что исторический опыт второй половины XX века показал, что страны с либеральными демократическими режимами, как правило, добиваются больших экономических успехов, чем страны с режимами авторитарными. Это связано с тем, что именно демократия создает наилучшие условия для проявления инициативы, без которой невозможно эффективное производство;

- правительства стран с демократическими режимами обычно совершают меньше ошибок в управлении, не говоря уже о злоупотреблениях властью

¹ Демократический транзит – от латинского transitus – переход, прохождение. Переход от авторитаризма (тоталитаризма) к демократии. В концепции транзитологии выделяются следующие пути перехода к демократии: эволюционный (трансформация) – например, Испания; революционный (замена или крах старого режима) – например, Португалия; в) военное завоевание – например, Германия, Япония.

и преступлениях против личности. Другими словами, демократия – это своеобразный защитный механизм общества от узурпации власти. Демократия не всегда способна выполнить эту защитную функцию. В условиях кризисов дают сбой и демократические механизмы, однако в развитых странах это все же исключения из правила;

- для современного человека либеральная демократия все более становится самостоятельной ценностью. Люди не хотят быть колесиками и винтиками какой бы то ни было, пусть даже хорошо отлаженной системы, и предпочитают сами решать свои проблемы, хотя бы и ценой ошибок.

Либеральная демократия выбирается исходной точкой российского транзита по следующей причине: ее концепция – основа политического режима с хорошо развитыми и прочно защищенными личными и групповыми свободами, который предполагает наличие достаточного числа гражданских свобод и высокого уровня плюрализма, способных обеспечить свободное и осмысленное соревнование интересов и поддержание власти закона между выборами, равно как и при их проведении, а это есть непреложные ценности современного общества

Таким образом, делается вывод, что проблема демократии остается актуальной для российского политического развития. Сегодня постсоветская действительность ставит перед исследователями вопрос: по каким параметрам Россия не соответствует сложившейся на Западе либеральной демократии и что мешает инсталлироваться ей в нашей стране? Чтобы ответить на него, необходимо определить параметры исходной точки российского транзита – либеральной демократии.

При этом практически все ссылки делаются на давно известные труды авторов, пишущих в русле атлантической или континентальной парадигм², не утруждая ни себя, ни читателей никакими альтернативными точками зрения.

Вместе с тем, никакие политологические выкладки не рождаются на пустом месте, так или иначе, но они отражают определенную, политическую, сторону более широкой социально-экономической реальности и вписываются в более общую теорию и историю общественных отношений. Так, в действительности, идейно-политический либерализм предшествовал либеральной демократии. Его основоположники сформулировали такие основополагающие принципы политического либерализма, как приоритет индивидуальной свободы, базирующийся на принципах

² См.: Наиболее известные работы западных авторов по исследованию либеральной демократии: «Демократия и ее критики» (1989) Р. Даля, сравнительное исследование политических и экономических реформ А. Пшеворского «Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке» (1991), «Капитализм, социализм и демократия» Й. Шумпетера, «Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование» А. Лейпхарта, «Дорога к рабству» Ф. Хайека и др. Среди российских ученых, занимающихся вопросами демократизации и транзитологии, можно выделить А. Мельвиля, предложившего использовать при анализе российской политической трансформации модель «перехода с открытым финалом», адепта концепции транзитологии и др.

естественного права, отделение государства от гражданского общества, разделение властей. На основе этих принципов идеи демократии (как народовластия) наполнялись либеральным содержанием. Стержневыми идеями в теориях либерализма являются политическое равенство и представительное правление.

Но аналогично, иное определение феноменов государственного и общественного строительства, равным образом, как и иное содержание, вкладываемое в определение демократии, также имеют свою эпистемологию как развертывание логического в конкретно-исторических формах становления социального и политического процессов. В частности, классическое определение демократии неразрывно связано с его этимологическим происхождением. Зародившись еще в античности, демократия дословно обозначает «власть народа» или «народовластие». Однако на протяжении уже не одного столетия в истории политической мысли в понятия «народ» различными авторами, научными школами и концепциями вкладывается неодинаковый смысл. То же можно сказать и о различных трактовках механизма народовластия. Некоторые исследователи справедливо полагают, что демократические концепции нередко шли за эмпирическим материалом, пытаясь найти идеальную модель демократического устройства, которая учитывала бы уже накопленный опыт исторического развития с его отрицательными и положительными последствиями.

В то же время практически не принимается во внимание, что другие концепции, сформулированные на базе правовых и политических учений, в теоретическом дискурсе исторического материализма с учетом опыта новой общественно-экономической формации – социализма – игнорируются, и не по научным, а по идеологическим предпочтениям³. Более того, когда ведется речь об аргументации становления современных форм демократии в русле политического процесса Российской Федерации, игнорируется не только социально-политический, но и исторический, национально-географический аспект рассматриваемой проблемы.

* * *

Социально-экономическими и идейно-политическими предпосылками возникновения либеральной демократии были развитие рыночных отношений, идеологическая и политическая секуляризация, становление национальных государств. Последнее составляет основное качественное отличие буржуазной либеральной демократии от городов государств античности и средневековых городских коммун. Неслучайно известный американский политолог Р. Даль при анализе общемирового демокра-

³ См.: Даль Р. Полиархия, плюрализм и пространство // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 37–48; Dahl Robert A. On Political Equality. 2006.

тического процесса выделяет его первую трансформацию – становление демократических городов-государств, и вторую трансформацию – становление наций-государств⁴.

Центральной в либеральных концепциях выступает идея о прирожденных, неотчуждаемых правах человека на жизнь, свободу и частную собственность. Частная собственность рассматривается как основа индивидуальной свободы, а свобода – как необходимое условие самореализации личности. Отсюда вытекает апология демократического индивидуализма и трактовка общества как совокупности равноценных и независимых личностей. Так возникает идея государства как «ночного сторожа», основная функция которого сводится к защите частной собственности, свободы и неприкосновенности личности. Данная позиция представляется единственной и бесспорной, и именно на ее основе выстраивается вся современная система либерально-демократического транзита.

Вместе с тем, соотношение основных компонентов той или иной формации по отношению к личности и ее ассоциациям лежит в основе градуирования самого содержания понятия «демократия». Так, применительно к человеческому стаду или системам так называемого «азиатского способа производства» данный термин в принципе неприменим.

Первый зачаток демократического процесса относит нас к классике античности и демократического устройства городов-государств. Вместе с тем внимательное прочтение исторического контекста позволит сразу определить степень народности полисной демократии. Согласно источникам, к демосу относились не все жители полиса, гражданами государства являлись только половозрелые мужчины определенного возраста, свободные, носящие оружие. Все остальные категории не принадлежали категории граждан.

Итак, основа – свобода, что в условиях рабовладельческого способа производства являлась самым существенным признаком, дееспособность и гендерный признак. Очень узкий мостик соприкосновения общего числа жителей и граждан, имеющих право избирать и быть избранными. При этом, для того, чтобы быть избранным, недостаточно быть свободным, необходим еще и имущественный ценз, так как практически все властные государственные должности исполнялись государственными чиновника-

⁴ Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1992. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 1998; Верг Н. История советского государства. 1900–1991. М., 1995; Кок Халь. Что такое демократия? – Копенгаген, 1993; Кьеза Д. Прощай, Россия. М., 1998; Несбитт Д., Эбурдин П. Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции. Год 2000. М., 1992; Печчен Аурелио. Человеческие качества. М., 1985; Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. В 2-х т. М., 1992; Сорос Д. Советская система: к открытому обществу. М., 1991; Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность.: Московск. лекции и интервью. М., 1995; Хайек Ф. А. Дорога к рабству. М., 1992; Он же. Пагубная самонадеянность. М., 1992; Хэллоуэлл Джон Х. Моральные основы демократии. М., 1993; Шлезингер-младший А. М. Циклы американской истории. М., 1992 и др.

ми за свой счет, например, неарх – командующий флотом, должен был строиться и содержать его за свои деньги.

Таким образом, уже понимаемая как коллективная форма правления, демократия еще не имела укорененности в самом государстве, поскольку имела крайне узкую социальную базу.

Период средневековой демократии имеет вариативность, первый этап – городская цеховая демократия, и второй – элементы демократического строения элит в период сословных монархий. В каждом из этих случаев основой выступает отношение к земле как принцип феодальных отношений и собственность на землю или трудовой инвентарь, а социальной базой выступают владетельные земельные элиты или корпорации профессионально выстроенных цехов. Граждане в обязательном порядке имеют титульный и имущественный ценз, что даже по сравнению с античностью резко ограничивает как состав граждан, так и их электоральные возможности.

Эпоха буржуазных демократий строится по тому же принципу. Основываясь на общественном разделении труда, окончательно выделяя политику и государственное управление в самостоятельные социальные институты, она делает упор на диффундированном распределении частной собственности на средства труда и орудия производства от мелкой лавки до мануфактуры и фабрики. Имущественный и до введения всеобщего избирательного права гендерный и национальный цензы тоже делают представительную демократию эпохи капитализма усеченной.

И, наконец, вычеркнутый идеологической цензурой современности тип народной и социалистической демократии. С точки зрения социально-экономических оснований он не выделяется из ряда всех формаций. Основа – более общественное по характеру разделение труда, проявленное в его результате общественной собственностью и всеобщностью трудовой деятельности (вопрос о степени соответствия общественной и государственной собственности в данном контексте не имеет значения).

Именно общественная собственность на средства производства в совокупности со снятием практически всех цензов (кроме физической дееспособности) и всеобщностью труда выстраивают демократию как систему народовластия в полном объеме термина, отражая в категории народа практически все население, тем самым превращая всеобщее избирательное право из формального в содержательный факт государственного строительства (никем и никогда не превзойденный и даже не достигнутый).

Данный исторический экскурс полезен как свидетельство того, что либеральная буржуазная демократия – не исключение, и в истории политических систем не она является верхней планкой реального народовластия.

* * *

В современном мировом процессе социальной трансформации имеет место диалектическая взаимосвязь всех субъектов как процесса разделения труда, так и права в полном объеме этого понятия⁵. Подобная система предполагает не уничтожение элементов и форм собственной организации и управления, которых нет в объекте (системе) сравнения, но, напротив, использование всего того лучшего, что, являясь исторически и организационно наиболее адекватным внутреннему строению и содержанию общественных процессов, также всемерно способствует его (их) историческому прогрессу.

Данное условие представляется крайне важным с позиций приоритетов современного развития. Естественноисторический (геополитический, социальный, идеологический, национальный, наконец) ход развития породил как внутреннюю неоднородность биосоциальной структуры человеческих сообществ, так и, по-видимому, неоднородность социально-политической организации социума на макро- и микроуровнях жизнедеятельности.

В историографии методологически противоположные точки зрения опираются на соответствующие классические для этих направлений каноны. Так, сторонники либерализма иллюстрируют теории М. Вебера, Р. Арона, К. Поппера⁶, а социал-демократия по-прежнему исходит из концепций К. Маркса⁷. Достаточно интересны в данном контексте работы Ю.В. Яковца⁸, И.М. Дьяконова⁹, В.И. Пантина¹⁰ и ряд других¹¹.

Разворачивающийся как реальная смена форм организации и структуры общества процесс социальной трансформации отражает законы движения социальной материи. В качестве таксонометрических единиц, несущих в себе признаки фрактальности, выступают системы социальных отношений политического общества-государства, общественно-экономической формации и цивилизации

Развитие общественного разделения труда и смена конкретных форм собственности как ее результат и главным образом собственности частной (прошедшей, хотя и различный по форме на Западе и Востоке, но все же единый по содержанию и дошедший до ее практически полного отрицания

⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3. С. 4; т. 4. С. 438; т. 37. С. 370; т. 46, ч. 1. С. 107, 108.; Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29. С. 162.

⁶ См.: Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1992; Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1–2, М., 1992; Вебер М. Избранные произведения, М., 1990.

⁷ См.: Маркс К. К критике гегелевской философии права // Соч., Т. 1; Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Там же, Т. 3 и др.

⁸ См.: Яковец Ю.В. История цивилизаций. М., 1995 и др.

⁹ См.: Дьяконов И.М. Пути истории. М., 1993.

¹⁰ См.: Пантин В.И. Циклы и ритмы истории. Рязань, 1996.

¹¹ См.: Иноземцев В.А. Очерки истории общественной экономической формации: научное издание. М., 1996; Плетников Ю. Формационная и цивилизационная триады // Свободная мысль. 1998. № 3. С. 103–112; Циклы природы и общества. Материалы VI международной конференции. В 2-х т. Ставрополь, 1998 и др.

путь), социальной стратификации и конкретных способов государственного устройства, то есть превращенных в своих общественных проявлениях отношений, привел к изменению соотношения объективных и субъективных факторов, определивших человеческое развитие как таковое.

В социальном дискурсе имеет место специфика проявления процессов самоорганизации, заключающаяся в том, что оно на онтологическом уровне происходит в форме дифференциации и интеграции социальных институтов; на гносеологическом – как дифференциация и интеграция знаний (и методов синтеза и анализа, индукции и дедукции); на аксиологическом – в виде дифференциации и интеграции социальных ценностей и идеалов.

В гуманитарных науках субъективная позиция исследователя оказывается решающей. Социум – это структура, элементами которой на уровне гуманитарного исследования выступают наделенные разумом и волей люди. Решения, принимаемые элементами множества, опосредуются корпоративными групповыми интересами и оформляются в качестве позитивного права в единое целое. Следовательно, и единое целое в таком случае представляется результатом субъективного выбора.

Принцип объективности применительно к социальным процессам может быть реализован только при условии соблюдения диалектики взаимодействия природных и социальных законов, социума как полной эмерджентной системы и ее частей – групп и личностей, и относительности интересов составляющих эту систему элементов – государств, наций, социальных и профессиональных групп. Только в этом случае представляется возможным преодолеть идеологическое противостояние и выйти на результаты исследования, по своей точности приближающиеся к методологии естествознания¹².

Глубинным основанием цивилизационного подхода в действительности выступает мощный фактор. Но это не способ ведения производства. Как раз этот фактор, как это не покажется странным либеральным идеологам, делает формулы марксизма почти пророческими. Не степень индустриализации, концентрации или диверсификации производств, а принцип отношения человека и окружающего мира лежит в основании цивилизационного подхода. Доиндустриальная цивилизация – это

¹² Еще К. Манхейм утверждал, что мыслит не отдельная личность, а группа через индивидуальное сознание. Более строго рассмотрел эту проблему К. Маркс, показав, что идеология является отраженным в теории коренным интересом определенного класса. В. Парето подвел под эти положения строго математическое обоснование взаимодействия «остатков» и «производных», фактически обосновав, что любая субъективная позиция суть идеологическое обеспечение группового политического интереса. В.И. Ленин уточнил понятие класса, а П.А. Сорокин расширил границы группового мышления в границах экономической, социальной и профессиональной стратификации. Так были созданы основы социодинамики, без учета закономерностей которых изучение социальных процессов является не объективно научным, а субъективно идеологическим, и не может дать строгого научного результата. Дело не в математических расчетах или статистических данных, а в том, что игнорирование диалектики и относительности снимает объективность и открывает дорогу произволу абсолютного субъективизма.

период развития, когда человек практически полностью, по крайней мере, по доминанте, находится во власти действия объективных законов первой природы и только формирует начала инновационного освоения ее пределов и присвоения в качестве предмета деятельности. Поэтому его первоначальный этап – примат естественного над искусственным, власти над собственностью, традиции над инновацией. Переход от естественного состояния к искусственному и есть становление индустриальной цивилизации. Главный ее признак – наличие второй, рукотворной природы. Прежде всего это относится к процессу превращения деятельности в труд. Разделение труда порождает собственность и государство. Государство, являясь более ранней формой человеческих коммуникаций, структурирует сообщество, собственность стратифицирует его элементы по горизонтальным уровням. Внеэкономические методы принуждения уступают место экономической зависимости. Рождается социум. Вся история труда, собственности и государства в индустриальной цивилизации по существу является становлением полного объема категории «социум». При этом константой индустриализма выступает то, что рукотворные отношения человека с человеком и окружающей природой приобретают объективный характер, подобный действию универсальных природных законов.

Сущность, главный качественный признак постиндустриальной цивилизации, думается, опять-таки не в новых технологиях и переходе от концентрированного производства к его диверсифицированным формам. Мы видим его определяющее значение в том, что, во-первых, социум, как ранее природа, перестает быть той объективной данностью, границы которой для человека абсолютно непроницаемы. Человечество и человек во всей совокупности своих отношений становятся предметом и целью научных исследований и инновационных практических проектов. Познание и использование социальных законов с неизбежностью превращают их в мощное орудие биологической и социальной инженерии. Во-вторых, преодоление (снятие) основных социальных противоречий и исчерпание социальных ресурсов с силой природной закономерности востребуют действия иных оснований жизнедеятельности человеческих сообществ. Ими, как мы уже показали во вводных положениях, могут стать или качественные изменения в биологическом облике человека, или создание третьей, виртуальной, среды обитания логоса – интеллекта. Процесс совершенно не проблематичный. Вопрос лишь в том, кто и с какими целями направит подобную деятельность и каковы могут быть варианты их практического осуществления. Возможный переход от изменения тела природы к вмешательству в процесс изменения природных и социальных отношений, по существу к изменению законов и констант, придает особую актуальность информационным процессам. Метаболизм – обмен деятельностью (труд) – информационный обмен, – такова логическая

последовательность смены оснований применительно к отношению человека и окружающего его мира.

Следовательно, контекст современного мирового развития позволяет говорить о цивилизации в двух смыслах. С одной стороны, если говорить о полном объеме понятия таким образом, как это мыслится авторами цивилизационной парадигмы, то фактически она совпадает с индустриализмом. Доиндустриальное и постиндустриальное человеческое сообщество цивилизациями именовать неправомерно. С другой стороны, именно марксистская трактовка примата производства над другими формами человеческой деятельности позволяют говорить о цивилизации как о материально организованной структуре, на базе производственных возможностей которой будет сформировано новое человеческое сообщество, параметрами цивилиографии уже не исчерпывающегося.

Проблема духовной составляющей в развитии общества является одной из центральных и важных для его поступательного развития. Но не только аспект развития делает ее актуальной. Дело в том, что отсутствие той или иной формы системы социально значимых ценностей свидетельствует о вхождении общества в стадию деградации. С этих позиций данная проблема суть стержень самосохранения и национальной безопасности для любой социальной системы.

Особо актуальной тема становится в условиях нарастания следствий глобализации как проявления разворачивающей себя в социальном пространстве наличного бытия процесса универсальной социальной трансформации. Возможность корреляции внутренней имманентной для конкретного социума системы ценностей с растущим внешним влиянием составляет задачу сохранения общественной и экономической стабильности его бытия.

В том случае, когда речь идет о защищенных интересах – это область особенного и, таким образом, касается сфер права и управления. Если же вопрос затрагивает системы отдельных интересов, требующих статуса защищенности и адекватной реализации на уровнях политической идеологии, то это – проблема, относящаяся к компетенции всего общества, в том числе как реальная проблема информационной безопасности.

В целом прорисовывается нетривиальный вывод: качеством общественной (как всеобщей для данной социальной системы) или общенациональной идеологии обладает, как ни странно, только функционирующее в оптимальных границах право.

Именно этот факт представляется основанием для следующих обобщений. Термин «правовое государство» с этих позиций не вполне корректен. Ибо единственной идеологией государства является именно право по определению. Правовым или неправовым является общество, так как право есть интегрированный и защищенный интерес каждой страты в степени, достаточной и необходимой для функционирования общества как целого.

Пристальное внимание к проблеме формирования некоей данности, понимаемой в рамках политической науки как общенациональная идеология, неслучайно и, однако, в качестве реального исторического и социального вызова далеко еще неосознанно. Отсутствие общего поля политической мотивации служит индикатором отсутствия действительного общества. И именно этот факт зафиксирован в увеличении числа научных работ и публицистических материалов по данной теме¹³.

Вместе с тем осознание этого факта как действительности, понимания того, что это не абстракция, а действительное отсутствие на территории России множества, которое можно было бы характеризовать как единое целое, либо объективно неосознанно, либо сознательно ускользает (выводится) из поля зрения ученых, идеологов, политиков.

Таким образом, либо этот факт будет до конца осознан, и государство разработает технологию идеологического обеспечения процесса интеграции российского общества, либо отсутствие целостности из потенциального состояния перейдет в актуальное (реальное), формализуется и тем самым прекратит историю государства Российского как исторический факт.

Но все же ключ к решению этой задачи лежит, как нам представляется, не в сфере сознания, а в реальной действительности, в той конкретной системе отношений больших групп людей, которые являются субъектами экономики, политики и идеологии. И от того, в каком направлении, какими методами и в чьих действительных интересах осуществляется процесс развития общественных отношений, напрямую зависит, в какой мере возможно достижение единства как в сфере общественного сознания, так и во всем пространстве социальной практики.

Верхний предел, в рамках которого осуществляются все возможные взаимодействия внутри системы, и есть общество, понимаемое в зависимости от точки отсчета как национальное, субъектами отношений которых выступают нации или другие этнические образования; религиозное, субъект которого религиозная конфессия или, наконец, гражданское общество, субъектами отношений внутри которого выступают стратификационные единицы, сформированные на принципах владения, распоряжения и пользования определенной частью собственности (возможно, отраженные в праве).

Таким образом, Российское общество представляет собой сложную систему связей между различными типами конкретных обществ, систему, структурированную по институтам, отражающим сущностные интересы

¹³ См.: Варгасарова Л. С. Восхождение в XXI век (к вопросу о «новом социализме»). М.: Клуб «Реалисты», 1997; Дзарасов С. С. Российский путь: либерализм или социал-демократизм. М., 1994; Карасев В. И., Васильков А. Т. Феномен глобализации в социальном контексте современности. М., 2002; Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации: Путь Разума. М.: МНЭПУ, 1998; Моисеев Н. Н. Логика универсального эволюционизма и кооперативность // Вопросы философии. 1989. № 3.; Осипов Г. В. Экономика и политика. М., 1995; Осипов Г. В. Россия: Национальная идея. Социальные интересы и приоритеты. М., 1997 и др.

каждого конкретного типа общности. Скрепой, соединяющей посредством взаимодействия общественных институтов различные общественные типы, выступает отношение «государство – общество». Из этого вытекает, что государство – центр притяжения всех частных относительно Российского общества типов общественной организации через организацию их содержательных и институциональных интересов.

Таким образом, содержание общественной политики, представленной в виде результирующего вектора сложения сил частных общественных интересов, составляет формирование такого государства, которое могло бы реализовать этот вектор наиболее оптимально. Соответственно, функция интеграции частных общественных интересов в совокупный оптимальный результат, когда реализация интересов целого есть условие реализации интересов особенного и отдельного, и есть государственная политика.

* * *

Для того, чтобы анализ мог иметь возможный, доступный механизму верификации, научный характер, сузим границы предмета исследования до уровня взаимодействия двух категорий: гражданского общества и государства. Система отношений внутри гражданского общества, отражающаяся (или, модально, должна отражаться) в государственной политике, стратифицирована по действительному положению его субъектов в системе. Следовательно, гражданское общество содержит в себе столько субъектов, сколько таких больших групп (страт, классов или слоев), имеющих соответственно своему действительному положению в системе, отличных гражданских (экономических, социальных, образовательных и профессиональных) интересов оно имеет.

Применительно к состоянию современной России, в наиболее широких объемах можно выделить три таких страты или субъекта в структуре гражданского общества. Это, во-первых, основная часть населения – до 80 процентов, стремящаяся по своему действительному положению к черте бедности или уже находящаяся за этой чертой; во-вторых, небольшая группа государственных служащих, технической и творческой интеллигенции, малых и средних предпринимателей – до 11–13 процентов; и, наконец, 6–7 процентов богатых и сверхбогатых. Таким образом, политика современного гражданского общества в России есть система отношений трех общественных страт, имеющих четко очерченные своим действительным положением политические интересы.

Идеология (политическая) является отражением в общественном сознании этих больших групп теоретическим осознанием необходимости реализации своего действительного интереса, право выступает как зафиксированный в государственной политике защищенный действительный интерес субъекта политических отношений. На первый взгляд, они могут

показаться несколько искусственными. Но ближайшее рассмотрение позволяет говорить об их адекватности социально-политическим российским реалиям. Все дело в том, что идеология, понимаемая широко, то есть, как сфера общественного сознания, и функционирует по законам данного уровня. То есть, она может быть реализованной в качестве обыденного сознания своего группового интереса, научно-парадигмального уровня или как политическая идеология. И лишь последний уровень отражает степень зрелости теоретического осознания своей мотивации относительно политического интереса страны, а тем более готовности к его практической реализации.

Таким образом, в основной массе трудящегося и эксплуатируемого народа его интерес функционирует на уровне обыденного сознания. Как правило, это не случайное совпадение. Как и выражение его в отсутствие любого осознанного интереса своей страны, то есть переход на позиции анархизма, люмпенизации, особенно в условиях удаленных профессий и фриланса (или криминализации как крайней степени девиантного общественного поведения).

Аналогичный разброс будет иметь место и при описании третьей страны. Воззрения ее основной части базируются на принципах либерализма и функционирует по ее законам, но возникают и различные финансовые пирамиды, всплывают и вновь уходят в небытие отдельные имена и целые корпорации. И лишь незначительная часть сверхбогачей осознает свой, не классически капиталистический, основанный на личной (приватной) форме частной собственности, а, по существу, империалистический интерес, вытекающий из экономической силы капитала в соединении с силой неограниченной политической власти государства. И тогда уже не групповой, а личный интерес рассматривается как всеобщий, подчиняясь законам той же девиантности общественного поведения.

Как и активный элемент первой страны – люмпен-анархист, сверхбогач-активист одинаково социально опасен для социума. Маргинальное притяжение общественного дна и сверхобщественного могущества представляют собой крайности, которые неизбежно сходятся в криминогенности, правовом беспределе, нечеловеческом способе реализации своих потребностей.

Особый интерес представляют источники идеологической ориентации второй страны, так называемого среднего класса. В настоящих условиях в России по своему действительному положению ее представители стремительно, по экспоненте, приближаются к основной массе населения. Тогда как их образовательный уровень, происхождение, профессиональные качества выступают основой для мотивации и моделирования поведения этой страны в направлении элиты (как референтной группы, в данном случае).

Собственно, этот процесс отражается с предельной точностью в ходе переориентации идеологических целей (идеалов) интеллигенции от «глубокой мечты» проснуться в одно прекрасное утро признанными гениями или миллионерами (либерализм) к все более полному осознанию того, что, в сущности, из себя представляет ее действительное положение, и какое фактическое будущее уготовано активной частью «элиты» для этого «среднего класса». Сейчас этот процесс на стадии готовности признания социал-демократизма как течения политической идеологии и политической практики. А дальше?

Таким образом, с той или иной степенью различий именно эти три страты делегируют свои идеологические установки в качестве общезначимых, а активной частью страты и осознанных, интересов государству.

И получается, что проблема политической системности отношений в обществе – это вопрос перевода предлагаемого осознанного интереса каждой страты в защищенный, то есть, отраженный в действующем праве, при этом осознающий государственную политику как результирующую силу, где есть место реализации, но есть и необходимость ограничения. В этом корень проблемы, и в этом же сложность ее понимания.

Однако уже одно только понимание этого процесса делает возможным достижение политической демократии не в качестве предмета наукообразных дискуссий, а как условие перевода научной парадигмы в русло практической политической технологии (технологии политики, а не политиканства и интриг).

* * *

Несмотря на то, что вопрос о критериях принадлежности к среднему классу остается дискуссионным и открытым, а также неоднозначным остается и применимость критериев к российским реалиям, попытаемся сформулировать критерии отнесения к среднему классу¹⁴.

Социальное пространство объединяет множество полей, в каждом из которых индивид занимает определенную позицию. Для идентификации места индивида или группы в социальной стратификации наиболее важны социально-экономическое, социально-политическое и социально-культурное поля. Они взаимно пересекаются, и на эти поля проецируется положение индивида или группы в социальной иерархии.

Критерии выделения среднего класса в социальной структуре общества также можно представить как объективные и субъективные. К объективным относятся: уровень дохода, образование, власть, профессиональная принадлежность и т.п., так как в их основе лежат вполне объективные единицы измерения – деньги, годы, количество подчиненных. Субъек-

¹⁴ Молочников Н.Р., Крюченко Н.Н. Средний класс в России: критерии отнесения // Международный журнал экспериментального образования. 2013. № 11. С. 147–149.

тивные показатели: самооценка индивидом своего общественного статуса, круг общения, образ жизни, престиж и т.д.

Важным представляется мысль и о том, что среди основных подходов, используемых сегодня в российской социологии для определения среднего класса, четко выделяется следующее четыре.

Один из них, связанный с бытующим представлением о среднем классе как о массовом социальном субъекте, который характеризуется, прежде всего, сравнительно высоким жизненным стандартом и уровнем потребления – в качестве критерия выделения этого класса использует уровень душевого дохода или наличие определенного набора дорогостоящего имущества.

Второй подход связан с тем, что исследования среднего класса в современной России имеют не только академическое, но и политическое значение. Этот подход предполагает акцент при определении критериев среднего класса, прежде всего, не на имущественных, а на идентификационно-психологических характеристиках индивидов, поскольку именно они в наибольшей степени влияют на его социальное самоощущение и социально-политическое настроение и поведение. В этом случае средний класс выделяется на основе самоидентификации людей, «самозачисления» ими самих себя в состав среднего класса.

Третий подход, согласно которому средний класс делится на так называемый «новый» средний класс, включающий менеджеров и специалистов, являющихся владельцами развитого человеческого капитала или обладателями властного ресурса, и «старый» средний класс – классическую «мелкую буржуазию» или так называемый «малый бизнес», получающих дивиденды на свой экономический капитал, является достаточно яркой попыткой применения на практике к анализу среднего класса такого подхода, который может быть назван «ресурсным», и в основе которого – объем, тип и структура капитала, которым располагает тот или иной человек, домохозяйство и т.д.

Наконец, четвертый подход связан с попыткой комплексного применения в условиях России традиционных критериев выделения среднего класса (определенные профессиональные характеристики, образование, имущественно-доходные характеристики и самоидентификация). Подчас список этих критериев расширяется, и в него начинают включать и другие критерии, связанные со способностью среднего класса выполнять те или иные обычно ассоциирующиеся с ним функции – «стабилизатора» социально-политической и экономической жизни, «поставщика» высококвалифицированной рабочей силы, «распространителя» новых социально-экономических и социокультурных практик, носителя национальной культуры.

Так, по оценкам Центра стратегических исследований (ЦСИ), нижним порогом, позволяющим отнести домохозяйство к среднему классу,

в 2011 году являлся годовой доход в размере около 600 тыс. рублей на семью (\$20 тыс.) В крупных городах он был выше и составлял 900 тыс. рублей (\$30 тыс.). Верхней же границей среднего класса служил доход в 9 млн. рублей на семью в год (\$300 тыс.). Тогда картина была такова: доход более 600 тыс. рублей на семью (\$20 тыс.) имели примерно 15 млн. семей или 29 процентов населения страны. Если же принять в качестве нижней границы среднего класса доход в 900 тыс. рублей (\$30 тыс.) в год на семью, то к нему в России по итогам 2011 года относились 18 процентов населения, или 9,5 млн. семей. Доход более 9 млн. рублей (\$300 тыс.) на семью в год имели 237 тыс. семей или 0,5 процента населения страны. Доходом более 1 млн. долларов в год могли похвастаться 29 тыс. семей или менее 0,1 процента населения России.

Если перевести в цифрах обменного курса на паритет к 20–30 тысяч долларов в 2016 году, то количество семей с таким доходом составляет по данным Росстата 8,5–8,8 процента. При этом на общем фоне 22 млн. человек, находящихся за уровнем бедности, при дифференциации доходов, описываемой коэффициентом Джинни – 413, а коэффициент фондов доходит до разрыва в 15 раз. Но для нашего исследования важно другое. Социологический параметр группы населения (менее 10 %) не является формообразующим в процессе социальной стратификации. Схожим параметрам соответствует определение креативного класса, ставку на который сделали разработчики «Стратегии-2020», назвав его главным двигателем экономики России. По их мнению, это – люди «творческого труда, которые в ходе своей обычной работы создают инновации». «Креативный класс способен предложить что-то новое обществу и отличается от среднего большей степенью активности как в социальной, так и в экономической жизни страны».

Тем не менее, российскими политологами утверждается, что в России существует свой специфический средний класс, не похожий на западный. Но это не просто верно. Рассматривая третий подход и глядя на него с позиции компаративности, можно понять, что классический традиционный средний класс на западе появляется как трансформация значительного большинства третьего сословия при переходе от абсолютных монархий к буржуазной демократии. На этой основе верхушка рождает уровень буржуазного истаблшмента, а мелкотоварная масса – частных собственников и обслуживающих властные и экономические элиты ремесленников науки, культуры, образования, сферы услуг, и становится основанием среднего класса. Но в любом случае, это трансформация класса собственников.

В России ничего подобного практически не было. Период становления буржуазности из классики крепостничества был недолгим и незавершенным, а социально-экономические основы СССР вообще не предполагали таких возможностей. С этой точки зрения то, что называется средним

классом в современной России, являет собой четкую трансформацию наемного труда, обслуживающего верхушку олигархата, никакого отношения к собственности и, следовательно, укорененности в одной из главных формационных страт не имеет. В этом еще один ключ понимания ситуации с электоральной демократией и тем содержанием, которое реально в наших условиях под ней мыслится.

При этом особенно важным выводом необходимо считать то, что основой гражданского общества западных либеральных демократий является в силу его частнокапиталистического строения именно средний класс, тогда как в современной России это не класс, а сословие, отношение к собственности по преимуществу не имеющее, что неизбежно сказывается в электоральных предпочтениях, только примыкающее к одной из основных страт.

* * *

Несмотря на это, отечественная политическая наука берет на вооружение технологии политического моделирования, принятые в рамках атлантической парадигмы политической теории. Но представляется, что есть существенные различия в действительной системе политических отношений, которые описываются на Западе и реальным положением вещей в России.

Существующая в условиях относительно до недавнего времени стабильности, европейская и американская политические технологии, образно говоря, нацелены на шлифовку мастерства пилотов лайнеров сверхсовременной конструкции. Поэтому их не интересуют источники политических ориентаций и конкретный результат, выраженный в изменении системы отношений между общественными стратами. Предмет исследования составляет технологическая цепь, а не отражаемые в ней социально-экономические и политические реалии. Тогда как положение политологии в России сегодня требует не только строительства современного типа летательных аппаратов, но и создания самой теории воздухоплавания. И это в условиях нестабильности всей системы общественных отношений, на фоне неравновесной динамики процесса изменений бифуркационного типа.

Современное положение в России по большому счету отличается и источниками структуризационных процессов и неравномерным (и неравноправным) распределением части национального дохода по стратификационным единицам общества.

Так, если источником формирования институтов общественной организации в США были свободные в условиях пространства и технологии индивидуумы и их объединения, что привело к формированию национальных институтов снизу вверх, от единичного к всеобщему, то в России

1990-х годов происходили процессы прямо противоположного качества. Инновационные сдвиги инициировались сверху вниз, по воле третьей страты (а, точнее, ее активной части) без малейшего учета даже минимальных жизнеобеспечивающих потребностей основной массы населения.

Соответственно, рост благосостояния населения-колонистов США естественным путем приводил к росту богатства нации и, соответственно, адекватному распределению частей национального достояния между основными стратами гражданского общества (особо отметим, что речь идет лишь о тех субъектах общественных отношений, которые обладали всем объемом действительных прав такого гражданства). В современной России рост богатства активной части третьей, сверхбогатой, страты даже формально основывается на факте разграбления общенародной собственности (так называемая приватизация). И, таким образом, он с силой общественной закономерности ведет как к падению национального достояния, так и к резкому усилению дифференциации страт по той доле, которую каждая из них получает. А если принять во внимание тот факт, что первая и вторая страты количественно составляют абсолютное большинство населения страны, то рост сверхбогатства 6 процентов населения неизбежно вызовет (и вызывает в реальной жизни) унижение всего общества. И значит, противостояние первой и третьей страт, то есть большинства населения и элиты – не случайность и, тем более, не происки «красных» или «коричневых», а исторический факт, который отражает единственную достоверную политическую реальность современной России, закономерным следствием из которого является генерирование социальной напряженности и состояния конфликта.

С этой позиции логичным представляется следующий вывод: при стремлении к реализации своих идеологических ориентаций, существующих в России общественных страт в полном объеме, ни о какой форме политической стабильности невозможно вести речь по определению. Условием же хотя бы минимальной надежды на ее достижение является усечение объема притязаний, заложенных в политических идеологиях общественных страт.

* * *

Отсюда предельно понятным становится находящийся и сейчас в состоянии вялотекущего процесса коллапс всей законодательной ветви власти, практически полностью подчиненной интересам сверхбогатства, и уже даже не скрывающейся за одеяниями популизма. Тогда как парламент, отражающий в соответствии с избирательной технологией и функциональными обязанностями полные объемы не только трех страт, но и полные объемы идеологий других объектов общественной градации, должен стремиться перевести их все в статус защищенного правом интереса.

Конституционные основы института президентства (и всей системы исполнительной власти) позволяет ему, заняв позицию лишь одной (в наших реальных условиях – третьей) социальной страты, формализовать действующее право в соответствии с полным объемом идеологических ориентаций сверхмалой, но сверхбогатой элиты. Тем самым из всего объема гарантий Конституции выполняются лишь те ее части, которые гарантируют и защищают интересы верхних этажей элиты.

Законодательная и представительная власть – парламент – в реальности становится лишним, так как реальное представительство своих интересов в системе исполнительной власти имеет лишь третья страта.

Понимая, что в социуме качеством государственной, или общенациональной, идеологии обладает только функционирующее в данном обществе в своих оптимальных границах право, возможно под новым углом зрения посмотреть на отношение между понятиями права и идеологии, общества как публичноправового союза и государства как его политической формы (политическое общество).

Общество, в том числе и гражданское, понимаемое как совокупность различных групп составляющего его населения, генерирует многообразие культурных, моральных, научных идей, составляющих в своей совокупности общественное сознание. Применительно к гражданскому обществу, стержнем стратификации которого является экономический признак, и именно оно может быть как правовым, так и неправовым (так как именно право выступает в качестве интегрированного и защищенного интереса каждой страты в степени, достаточной и необходимой для функционирования общества как целого).

И именно здесь в свои права вступает государство, понимаемое как политическое общество. Если оно поставлено на службу одной из страт, то, являясь по отношению к обществу гражданскому его функцией, государство становится идеологическим, то есть подчиненным политической идеологии данной страты. Место права как интегрированного интереса всего гражданского общества занимает закон, как концентрированная политическая воля определенной страты (класса). В этом случае размываются как понятие общества и государства, так и собственно понятия права и идеологии.

Если общество в качестве публичноправового союза формирует функцию государства, как функцию своего интегрированного интереса, то его единственной идеологией выступает право, как доминирующая в этой сфере часть общественного сознания. И как сторона общественного сознания право не может быть выше экономического строя и уровня культуры данного общества. Следовательно, попытки законодательной власти сделать «правовую прививку» обществу, забегая далеко вперед складывающихся реальных отношений действительной жизни, также пагубно и опасно,

как и торможение старых структур в отношении «нового права», уже подготовленного ходом истории.

Еще хуже, когда исполнительная власть, опережая даже законодательную, административными мерами внедряет в практику экономической и социально-политической жизни общества конкретные формы деятельности. Ни экономика, ни политика, ни право не могут выдержать такого вторжения в их сферы. Не может быть готово в лице своих граждан к таким преобразованиям и общество. Яркий пример отечественной истории – вся эпопея приватизации и формирования не страты предпринимателей, а группы монопольно проедающих отечественные богатства «олигархов».

Особо необходимо сказать о том, что ведь не история или какое-либо провидение изменяет в тот или иной период систему жизненных условий. Деятельные люди, опираясь на свои потребности и интересы, в силу исторических условий и сообразно им преобразуют окружающую среду: общество, государство и самих себя. Деятельные люди, наделенные сознанием, функционирование которого имеет свои внутренние закономерности! И как индивидуальное сознание человека не в состоянии представить себе того, чего конкретный человек не знает, так и общественное сознание способно отражать только то, что-либо уже существует в действительности либо подготовлено ходом объективного исторического процесса.

Причем, поскольку общество разнородно, многопланово, а общественное сознание как целое индивидуализируется в конкретном сознании человека по-разному, то даже в нормальных, стабильных условиях ведущие идеи не складываются у всех людей одновременно, то одной из главных задач, стоящих перед обществом, является формирование общественного сознания, которое было бы адекватно, с одной стороны, действительным условиям жизни, с другой – целям кардинальных общественных реформ, способных изменить эти условия в сторону развертывания исторического прогресса.

* * *

Значительно сложнее обстоит дело с изменением и общественного, и индивидуального сознания в переломные, внутренне противоречивые и нестабильные моменты истории.

Сознание в момент складывания общественного основания, нового, отрицающего старое основание, но одновременно являющегося разрешением старого общественного противоречия флуктуирует в границах взаимосоприкасающихся систем старого и нового. Основное противоречие старой системы общественных отношений, разрешаясь, рождает новое, внутреннее единство, которое должно определить вектор дальнейшего движения. Тогда в момент, когда снимается старое противоречие и только возникает новое основание, сознание действительно опережает действи-

тельное движение. Но опережает в целом, чаще всего ошибаясь в частностях и определениях, то есть опережает, взятое в своей абстракции, а дальнейший путь изменения представляется следующим.

Основание, то есть новое противоречие, реализует себя в действительности, и конкретное сознание уже не может опережать движения конкретной действительности. Оно отстает, формируясь одновременно, параллельно с развитием основания, разделяя колебания сторон нового общественного противоречия. Именно данный феномен в состоянии прояснить многие процессы, происходящие в общественном сознании России.

После известных событий прошлых лет общественное сознание нашего социума раскололось. Разлом произошел фактически по всем линиям общественных оснований: этническим (национальным), религиозным, культурным, экономическим. При этом вектор изменений действительности и, соответственно, идеологически отраженных в сознании, определился разрушением целого в интересах его частей, причем, как правило, значительно меньших, чем основная масса населения.

В соответствии с законом гомеостазиса, общественное сознание ощутило (продемонстрировало?) огромную силу инерции. Тем более, что вектор изменения действительности был направлен не просто в сторону отдельных частей, но стал прямо противоположен коренным интересам большинства.

Советское право, став как бы обычным правом, его традицией и привычкой, позволило и до сих пор позволяет обществу выжить, не распадаясь полностью, так как данное обычное право выступает той естественной скрепой, в границах которой еще существует общественная мораль, нравственность, национальная и интернациональная культура, равное отношение к труду, его результатам (собственности) и непосредственно к людям. Это касается мировосприятия и модели поведения первой и частично второй страт гражданского общества.

С этой точки зрения, вторая страта, сознание и идеологические ориентации которой колеблются между полюсами референтных групп первой и третьей, действительно пытается реализовать всеобщий интерес в сфере действующего права с большей или меньшей степенью адекватности. Тогда как единственным условием реализации политических интересов элиты выступает инновационное право, иначе понимаемое как революционная целесообразность. То есть, осуществить свой экономический интерес представители третьей страты могут только путем насильственного изменения отношений действительности.

При этом характерным представляется следующий факт: основная масса населения не имеет реальной возможности ни формировать систему действующего права, ни тем более осуществлять контроль за его реализацией. Тогда как эта, имеющая непереоценимое значение работа,

поручена представителям именно второй, наиболее неустойчивой в своей мотивации, общественной страты.

И если в отношении первой и второй страт существует возможность общественного согласия, без существенных ограничений социальных, политических и идеологических притязаний, то союз идеологических интересов первой и третьей страт (основного населения и элиты) в нынешних конкретно-исторических условиях практически невозможен. По крайней мере, без существенных и сущностных ограничений идеологических притязаний сверхбогачей. Поэтому до тех пор, пока сохраняется статус-кво современных политических реалий в России, вести речь о реальном демократическом электоральном процессе беспредметно.

* * *

В результате вырисовывается технологическая система, где алгоритмом, задающим систему отсчета и ее размерности, выступает определение функции государства как политического общества. И здесь, в современных условиях развития России, возможны, с нашей точки зрения, только два варианта.

Первый: признать, что идеология российского государства – функционирующее право – обеспечивает не интересы всего спектра общественных отношений, а выступает лишь в качестве защищенного интереса элиты. Тогда государство становится на защиту элитных интересов и за счет ущемления или подавления интересов других страт добивается их полной реализации. В настоящих условиях это означает противостояние основной части населения элите. И для того, чтобы добиться изменения действительности, государству необходимо подавлять инерцию общественного сознания, особенно в части действия законов обычного для прежнего образа жизни права. Согласно законам физики, описывающим взаимодействие сил, сила любого воздействия равна силе противодействия, но противоположна по знаку (направлению действия этой силы реакции опоры). Сила выражает отношение массы и ускорения. Применительно к общественным явлениям, мы можем постулировать, что для реализации интересов одной группы против воли другой необходимо либо изменить ориентацию основной массы участников процесса, либо резко ускорить реальный ход реформ.

Основная масса населения реформы, ведущие к ее обнищанию, не поддерживает. Следовательно, необходим инновационный рывок в праве и резкое ускорение капитализации, то есть реализации действительных интересов элиты. В политических реалиях это означает новый виток «шоковой терапии» (но уже в новых конфликтных условиях), невозможный без карательно-репрессивных механизмов ее обеспечения. То есть, на повестку дня выходит «пиночетовский» сценарий, но без соответствующей

исторической традиции и без наличия широко представленного «среднего класса». Достижение демократии подобным путем весьма проблематично, а вот превращение всех общественных противоречий общества как целого, то есть религиозных, национальных и политических в антагонистические и, коль скоро функцию идеологии элиты берет на себя государство, то и в антигосударственные, вырастает до размеров реального общественного факта. И вопрос социального взрыва становится лишь вопросом времени и скорости «реформирования».

Второй вариант заключается в постановке государства на службу интегрированному интересу общества. И хотя он предполагает значительное усечение идеологических притязаний каждой из реально существующих сегодня страт, но не требует ускорения (шока) и опирается на интересы социального большинства. Более того, если господство одной страты предполагает исключение реализации интересов остальных или обеспечение их защиты в той мере, в какой это выгодно элите, то интегрированный интерес основной массы населения позволяет реализовать действительное многообразие, в том числе форм собственности и хозяйствования, политического представительства всех страт и идеологического плюрализма.

В этом и только в этом случае политические групповые идеологии превращаются в частные по отношению к государству интересы. Они им не регулируются и не контролируются (естественно, если реализация любого группового частного интереса осуществляется в рамках действующего законодательства) и тем самым реализуются в действительности как мировоззрение, культура, религия, укрепляя и обогащая историческую традицию как конкретного субъекта гражданского общества, так и морально-нравственные устои самого реального социума. Декларированные Конституцией права граждан и их объединений становятся основой единства правосознания общества, защищенные системой функционирующего права, а право – государственной идеологией, а само государство – функцией его реализации и защиты в сфере конкретной политической деятельности. И в этом качестве оно выступает уже как субъект международного права, а общественное сознание России, интегрированное в своих действительных экономических, социальных, национальных и культурных интересах, действует на мировой арене как реальная общенациональная (государственная) идеология, уважение к которой со стороны других субъектов мирового политического процесса гарантировано уважением к ней граждан Российской Федерации, как частный случай, эффективный лишь в границах устойчивого развития и стабильности политической системы.

Сказанное отчетливо указывает на то, что процесс поиска какой-либо идеологии в головах «интеллектуалов» или в кабинетах официальной политики имеет нулевую эффективность не в силу того, что идеологии не существует как феномена социальной действительности. Здесь предельно

ясно другое. Формирующиеся в настоящее время и еще сохраняющиеся идеологические воззрения отражают ту часть современной реальности, которая не находится в поле интересов тех субъектов, которые ее ищут. В связи с этим представляется необходимым сделать небольшой экскурс в теоретические основания понятий общественного сознания, мировоззрения и идеологии.

Если стать на точку зрения теоретиков либерализма и согласиться, что субъективное начало в жизнедеятельности общественного организма является доминирующим, тогда изучение сформулированной задачи изначально будет заведено в тупик. Ибо если в данном конкретном обществе отсутствует общая идея – субъективное начало, – а именно это подразумевается либералами, то следовательно, задача сводится к необходимости такую идеологию создать. Но это сразу приводит к такому следствию, как необходимость подогнать под идеальную схему, подобную идейно-типическим картинам мира М. Вебера, всю многоуровневую и множественную систему социальной реальности. Представляется, что дальнейший ход подобной технологии в истории хорошо известен: он именовался тоталитаризмом, а сегодня более распространено такое его определение, как социальный эксперимент над судьбами стран и народов.

Собственно, коллизия здесь проста. В обществе отсутствует как раз то, что по мнению либеральных ортодоксов составляет его исходное начало, его источник развития и функционирования – субъективный фактор. Тот самый дух, который оживляет и запускает механизмы и функции конкретно-исторического типа социального устройства. Логически – это тавтология; практически – порочный круг неверной методологии, войдя в который, невозможно отыскать выхода. В этой системе его просто не существует.

С позиции историко-материалистической методологии общественное бытие определяет общественное сознание. При этом понятия «бытие» и «сознание» не берутся в качестве дихотомий. Это – заданные жизнью реальности, для субъективной возможности количественных измерений которой мы пользуемся категориальным аппаратом методологии. Значит, реальная система сложившихся в данном обществе отношений формирует в нем и соответствующую, как положительную, так и, возможно, негативную, систему взглядов, представлений и идей.

Рождаясь в человеческой практике, формирующиеся идеи, отражая закономерности и тенденции мира, в то же время могут либо совпадать либо не совпадать с действительностью, а точнее, с ее законами. В случае совпадения система взглядов людей как субъективный фактор способствует развитию всей системы общественных отношений. Случай же несовпадения или даже противоречия между идеями и реальностью сам имеет двойственную природу и двоякое решение. Если мировоззрение большинства населения или его активной части по содержанию антипрогрессивно, то общество неизбежно приходит в упадок. Если же вектор

наличного противоречия содержит положительное для природы социальных отношений решение, то есть, если идеи общества оказываются способными преодолеть инерцию социального гомеостаза, то в таком обществе в зависимости от конкретно-исторического соотношения прогрессивных и реакционных социальных сил происходит мирное или насильственное революционное преобразование¹⁵. Это означает, что в момент бифуркации социальных систем общественное сознание, во-первых, может совпадать или не совпадать с выбором полной эмерджентной социальной системы и, во-вторых, именно характер идей, господствующих в социальной среде, отражая действительное соотношение сил прогресса и реакции, определяет и степень полноты, и характер реализации системного вызова.

* * *

Итак, общественное сознание есть отражение в головах людей, представляющих общество как социальное целое, системы реально существующих в его границах общественных отношений. При этом для нас сейчас представляется совершенно неважным, в какой степени они сами являются производными от таких глубинных общественных оснований, как процесс разделения общественного труда и формы его кооперации или, в конечном счете, как они соотносятся с отношением к результату общественного труда, то есть, с конкретно-исторической формой собственности.

Однако само наличие общественного сознания, по крайней мере, до настоящего времени – не факт, а эмпирическое обобщение. В реальности существует то, что принято называть мировоззрением, то есть, та система взглядов, представлений и идей, которая существует не в абстрактном поле общественного сознания, а в голове каждого конкретного человека. В зависимости от того, ощущает ли на сознательном уровне действие этих взглядов, представлений и идей конкретный деятельный человек в своей повседневной практике, мировоззрение может проявляться либо в форме обыденного сознания, либо принимать качество научного знания. Но даже в последнем случае оно еще не становится идеологией.

Лишь получая адекватное отражение в строгой научной теории, описывающей закономерности возникновения (производства), функционирования и распространения общественно-значимых идей в социуме, мировоззрение в качестве научного уровня организации общественного сознания превращается в идеологию. Взятая в качестве отражения на этом уровне коренных интересов определенного субъекта политического процесса она выступает

¹⁵ Особо подчеркнем: мирного или насильственного, но всегда революционного преобразования. С моей точки зрения, дихотомия «революция – эволюция» более правильная, чем ошибочное противопоставление «насильственный революционный или мирный пути». Революции, как имманентная часть процесса развития сложных самоорганизующихся систем, являются объективно закономерными. Это не предмет политической идеализации, а естественный закон развития систем.

как политическая идеология. Особо важной целью идеологии как стороны общественного сознания выступает, таким образом, способность к социализации и мобилизации всех ресурсов социального управления.

С этих позиций объемы понятий социализации и идеологического обеспечения практически совпадают. Суть заключается в том, что как нет идеологии «вообще», так нет и идеологического обеспечения «вообще». Каждой идеологии предшествует «объективная истина, абсолютная природа»¹⁶. Так и идеологическому обеспечению предшествует реальная социальная установка.

В идеологии отражаются отношения личности к материальному бытию, опосредованные групповым социальным интересом, ибо адекватное отражение реальной действительности, отношение личности к ней, в полном объеме реализуется в науке. В равной мере, как и соотношение идеологического обеспечения конкретной задачи с ее научно обоснованным решением. В той степени, в какой идеология действительно стремится стать, а в условиях совпадения долговременной социальной стратегии и действия формообразующих социальных «законов сборки» данной социальной системы и действительно становится наукой, идеологическое обеспечение конкретной задачи совпадает с уровнем ее научного решения, не опосредуясь иллюзорными формами сознания. Такое движение понятий применительно к конкретно сформулированной задаче социализации и мобилизации общественных ресурсов означает, что ее решение, поставленное на действительно научную основу, является в соответствующих условиях моментом идеологического обеспечения одной из сторон структурной организации социума, точнее, именно идеологическое обеспечение есть превращенная форма необходимости социализации масс, политическая квалификация которых могла бы соответствовать задачам избранного прогрессивного вектора развития общества. В общем, это не новое утверждение. Так как этимология слова «идеология» четко приводит нас не к описанию конкретного уровня феномена общественного сознания, а к конкретной дефиниции: идеология – это наука об идеях. Наука, а не феномен.

Особенно важно данное понимание для действия политической элиты или контрэлиты, претендующей на лидирующую роль в государственном руководстве в переходные моменты, когда вектор развития системы (или ее распада) зависит от уровня и характера социальной поддержки власти.

Во-первых, в условиях становления социальной структуры и действия ее интегративных «законов сборки» важен момент совпадения стратегии системных целей общества и конкретного направления усилий политического руководства. Только в этом случае политические задачи долговременной исторической перспективы могут совпадать с конечной целью – содержа-

¹⁶ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 18. С. 138.

нием конкретной социальной системы. Тогда идеологическая деятельность, в полном объеме этого понятия, политической элиты (но не государства) и поддерживающих ее социальных страт и институтов совпадает с конкретными формами идеологического обеспечения главной стратегической задачи. То есть, появляется необходимость приведения уровня политического сознания общества с уровнем объективного осознания стратегической перспективной задачи даже, если хотите, в форме утопии. А ее поддержание в качестве объективной реальности или мифа осуществляется через систему идеологического обеспечения социально-экономических, политических и духовных условий существования людей.

Во-вторых, совпадение объективных задач социального прогресса в коренных установках общественной стратегии приводит к тому, что по мере изменения условий существования общества его интересы получают непосредственное отражение в теории, нацеливая всю систему гражданского общества на их постоянное, последовательное практическое осуществление. Необходимым инструментом реализации этого интереса выступают социальное прогнозирование и моделирование, обеспечивающие координацию реализации конкретных вопросов и форм повышения материального уровня развития общества. Коренные интересы стратегии социального прогресса через идеологическое обеспечение интересов конкретных социальных страт (классов, групп, слоев) и институтов общества, индивидуальных интересов людей получают свое выражение в процессе их духовной и материальной реализации.

Следовательно, социум, в лице своих движущих сил – социальных страт, оформленных в политические партии, общественные движения и институты, в действительности выступает субъектом производства политической информации – идеологического знания. Но реализует его социум не непосредственно. В условиях социальной неоднородности и различия интересов элиты и контрэлиты; культур, субкультур и контркультур свои политические интересы, уже в качестве политической идеологии, социум реализует через деятельность субъектов политического процесса – партии и движения, а интегрированный системный общественный интерес реализуется через официально функционирующее законодательство – право.

В первом случае распространение идеологического знания осуществляется посредством идеологической деятельности субъектов политической жизни общества. И никуда от этого факта не деться, как бы он не мимикрировал в словесной шелухе либерализма. Ибо справедливо сказано, что нельзя жить в обществе и быть свободным от него. Вопрос лишь в границе меры проникновения и контроля.

В качестве своей теоретической функции идеологическая деятельность элиты направлена на развитие теоретической базы и перспективное исследование путей реализации стратегического курса как интегрирующий момент в отражении объективной реальности в синтезе с достижениями

обществознания. Ее суть – содержание духовных оснований избранной стратегии. Основной функцией идеологической деятельности в этом случае выступает функция производства идеологического знания – знания, которое в условиях выбора социальной стратегии превращает любое научное знание, любую науку в мировоззренческую.

В своей практической функции идеологическая деятельность субъектов политического процесса выступает в форме идеологического обеспечения конкретных социальных, экономических или духовных задач с целью мобилизации ресурсов и рекрутирования последователей на их успешную реализацию.

Главной функцией идеологического обеспечения выступает распространение идеологического знания, передача его смысла от элиты к последователям, активной части социальных страт и собственно обществу с целью, во-первых, подъема политического самосознания, формирования действительно научного мировоззрения как идейной базы программы конкретного субъекта политического процесса; во-вторых, через осознанный характер участников политического процесса на реализацию конкретных ближайших и перспективных стратегических политических задач.

Стало быть, в системе сложившихся общественных отношений, особенно в переходные периоды, появляется возможность идеологически, то есть с позиций осознанных перспектив развития, обеспечить социально-экономические, политические и духовные аспекты развития членов общества. Отражая коренные интересы социальной стратегии, в которой интегрированно выражаются интересы социальных слоев, страт, групп и индивидов, ориентируясь при этом на системные цели социума, идеология как политическая наука через функции идеологической деятельности и идеологического обеспечения получает возможность определять основное направление социального прогресса.

* * *

В заключение необходимо сказать о движущих силах политического процесса в свете рассматриваемой темы.

При рассмотрении механизма складывания общественно-экономических формаций лежащие в его основе противоречия способа производства выводы предварительного анализа позволили говорить, во-первых, о вторичности форм собственности по отношению к процессу общественного разделения труда; во-вторых, о том, что производство и распределение ресурсов власти так же являются процессами разделения общественно-значимых функций. На базе этого было отмечено, что, скорее всего, период расцвета общественно-экономической формации приходится на период дробления господствующей (независимо от характера, то есть конкретных общественных или частных ее

форм) формы собственности, тогда как процесс предельной концентрации власти находится в границах конкретного социума в обратно-пропорциональной зависимости, то есть определяется монопольным проявлением той же господствующей формы собственности.

Тогда становится понятным и достаточно четким процесс ненаправленных флуктуаций в сфере экономической, политической и социальной стратификации, открытый известным русским социологом П. А. Сорокиным. А также четко прорисовываются контуры общих черт и различий либерализма и этатизма и как идеологий, и как парадигм научного знания, и в качестве реалий практики социально-экономической и политической систем реально существующего общественного организма.

Поясним нашу мысль. Во-первых, если период наивысшего расцвета формации приходится на момент наибольшего дробления господствующей в социуме формы собственности, то ее реальным носителем является достаточно широкий слой (страта, класс, группа) общества. Все мужское население античности, класс феодалов-землевладельцев, классическое третье сословие – мелкая и средняя (массовая) часть буржуазии в государствах нового времени.

Собственность, точнее, владение ею в таких широких масштабах, сочетается (даже вызывает его) со статусом гражданина данного общества, наделенного всеми правами и свободами, направленными вовнутрь статуса, в его границах имеющая все возможности автохтонного их удовлетворения. Естественно, что власть государства является для этого класса собственников лишь внешним фактором, необходимой функцией которого становится не только регулирование процессов производства и обмена собственности, они удовлетворяются в своем ареале, автономно и на основании самодостаточности; единственной функцией такого государства является функция силовой защиты тех прав и свобод, которые в рамках господствующей формы собственности и вместе с ней как реальной экономической властью воспроизводятся посредством механизмов соответствующего типа разделения общественного труда (и власти).

Конкретно-исторические формы собственности и типы государственного устройства, естественно, различны, возможно, даже уникальны, но закон обратно-пропорциональной зависимости количества собственности и государственной власти, как и конкретное соотношение объемов прав и обязанностей граждан (как собственников) любого государства и, фактически, механизмы их реализации, представляются скалярными величинами, константами всех мыслимых форм социального устройства.

Поэтому принципы классического капитализма, определяющего роль государства как «ночного сторожа», не нова – она всегда реализуется практикой обществ, где господствующая форма собственности дробится, делая эффективным процесс разделения труда и способ производства всей системы материальных и духовных благ.

И во-вторых, наоборот, период превращения господствующей формы собственности в абсолютную монополию свидетельствует о падении ее экономической и общественной эффективности, сужает, а то и фактически отчуждает, ограничивает круг реальных собственников, то есть граждан государства, тем самым действительно лишая их статуса, прав и свобод. И опять-таки совершенно безотносительно того, в какую историческую эпоху, в каком конкретном обществе и на основе конкретно какой формы собственности это происходит.

В этом случае, согласно закону обратно-пропорциональной зависимости, происходит процесс изменения функций власти как внутри класса собственников, так и в обществе в целом. Так как реальным статусом граждан, основанном на экономической власти монопольной формы собственности, выступает узкая группа субъектов, то, во-первых, остальная часть собственников переходит в статус зависимого населения и выступает если не антагонистом, то уже и не союзником; во-вторых, если группа монополистов не в состоянии ни реализовать свои права и свободы без ответной реакции масс, ни защитить собственный статус, пользуясь классическими механизмами конкретного способа производства, так как они перерастают его границы, запретная, по отношению к гражданскому обществу (обществу собственников) функция государства превращается в охранительную грамоту плутократии, государственность принимает форму господствующего этатизма. А когда процессы монополизации и отчуждения доходят до запредельных, для данного способа производства уровня и, следовательно, *предопределяют* либо очередной метаморфоз (если это возможно), либо смену формы собственности, государство становится абсолютным: теократическим, как в Древнем Египте, Римской империи, *формальным абсолютизмом государств нового времени или автократией некоторых государств новейшего периода истории.*

Значит, изменение разделения труда и форм собственности вызывает ненаправленные флуктуации экономической, политической и профессиональной стратификации, тем самым определяя темпы и интенсивность социальной мобильности общества, означая вызов неэффективности господствующих форм собственности и власти.

Поскольку можно считать исторически доказанным, что отношения господства-подчинения появляются раньше других, в том числе раньше первых крупных разделений общественного труда, то можно сказать, что собственно власть занимает базисное положение на фоне таких категорий как собственность и право. Это особенно важно при анализе таких переходных состояний общественных организаций, как состояния государств, включенных объективным ходом истории или, чаще по внешнему принуждению, в современные процессы модернизации. Это влияние настолько велико, что позволяет говорить о совершенно

новом феномене социального процесса – так называемой «революции управляющих»¹⁷.

Суть процесса возрастания роли управляющих-менеджеров состоит в современном производстве в широком смысле: от производства материальных благ и услуг до производства функций и структуры власти, в развертывании общего тренда современности в сфере отделения собственности от управления. Более широко – в устойчивом нарастании доминирования в дихотомии труда и капитала именно процесса усиления роли труда. Пожалуй, в этом и ключ в понимании складывания оснований новой формы организации социальных общностей, называемой сегодня информационным обществом или постиндустриальной цивилизацией.

Являясь объективной тенденцией общественного развития, данное явление представляется внутренне противоречивым, как и все предшествующие стадии развертывания доминант собственности, права, товарно-денежных отношений и капитала. Одним из проявлений данной противоречивости выступает основная роль социальных групп управляющих. Она может быть определена на основе следующих моментов:

1) наличие доступа к технологии осуществления той власти, которая в обществе осуществляется сувереном (или высшим должностным лицом), а в производственных процессах – собственником средств производства или продукта труда. Наличие подобной возможности становится главным предлогом интриг, в результате которых ее второстепенный характер блокируется властными полномочиями де-факто, а соперники просто устраняются;

2) возможность манипулировать правом распоряжения распорядительными правами как главная особенность выдвигает управляющих в первые ряды действительных носителей власти;

3) право распоряжения распорядительными правами становится стимулом процесса перевода интереса управляющих к усилению статуса: в политике – из статуса последователя в статус формального лидера; в экономике – статус власти конвертация интереса распоряжения собственностью от имени владельца в статус формального владения этой собственностью.

Налицо факт: изменение качественных параметров социальной организации общества неизбежно влечет за собой изменение качества властных ресурсов: в экономике, политике, идеологии. Тогда степень возможности влияния на процессы формирования стратегии и цели общественного движения напрямую зависят от того, в чьих руках находятся распределительные механизмы и, в особенности, контроль над самим процессом распределения распределительных прав. В силу исторически сложившихся

¹⁷ См.: Дзарасов С. С. Российский путь: либерализм или социал-демократизм. М, 1994.

традиций, отмеченного отсутствия эффективных источников первоначального накопления капитала и особенностей современного состояния России, на роль таких управляющих в нашем обществе реально претендует только один «фигурант» – государственный чиновник.

Посмотрим на факты: Римская империя в период перехода к колонату как форме уже не рабовладельческого, но еще и не крепостного земледелия, представляет собой череду смен «солдатских» императоров (да, здесь еще важно то, что в качестве управляющих является ведь не собственнический (монопольный) слой, а выразители в наиболее адекватной характеру и уровню общественного развития форме организационно-управляющих (властных) структур). В этот период Римской истории такими субъектами выступали полководцы. Распад империи Карла Великого характеризуется революцией мажордомов, представляющих государственную (как формальную) власть на основе обладания функцией действительного распоряжения распорядительными полномочиями. Борис Годунов, Иосиф Сталин, Франклин Рузвельт, Дэн Сяопин – за каждым из этих имен стоит аналогичная история революции управляющих (государственной бюрократии) – показатель стагнации господствующей формы собственности и грядущего экономического и политического, а при соответствующей глубине умножающихся противоречий, кризиса и смены способа производства и общественно-экономической формации.

Чрезвычайно актуален и важен в данном контексте следующий вывод. Революция управляющих (бюрократии) представляется не только индикатором перемен и начальной стадией формационного метаморфоза, она еще и закономерный процесс общественного развития. Ни либерализм, ни социализм как полюса общественных, исторически сложившихся идеалов, не могут ни существовать раздельно, ни сливаться в едином конкретно-историческом процессе. Следовательно, флуктуируя внешне ненаправленно, в периоды относительно стабильного развития социальной системы они попеременно сменяют друг друга в качестве общественных парадигм в их той или иной конкретно-исторической интерпретации и как коллективистская или индивидуалистская общественная традиция.

Но в периоды исторических разломов, когда себя реализует лишь одна альтернатива – или инновационный сдвиг, в этом случае, как правило, представляющий собой смену общественно-экономической формации, или деградация – противоречие между полюсами достигает колоссального напряжения, и ни одна из сторон не может (вся история человечества это подтверждает) сразу и необратимо себя реализовать.

Объективно необходимым условием простого выживания общества в этих условиях выступает переходный период. Его содержательная нагрузка – подготовка или завершение складывания условий социального сдвига, модернизации или смены господствующей формы собственности

и ее реального основания – процесса общественного разделения труда. Как правило, формой организации политической системы в переходный период выступает конкретно-историческая форма доминирующего этатизма – абсолютное (теократическое или бюрократическое) государство.

Социальным слоем в ситуации нестабильности политических отношений в совокупности с неравномерным и неравноправным действием различных групп, доходящих в проявлении иногда до состояния антагонизма, экономических законов, в условиях упадка старой и становления новой структуры господствующей формы собственности, который может реально удерживать единственную ценность, имеющую реальное значение – власть, выступает слой (страта, класс, группа) управляющих, так как в его руках находится право не обладания собственностью (и, следовательно, нет зависимости от этого обладания), а реальный механизм распределения статусов (в том числе, возможно, и статуса собственника) – функция, субъективный характер которой становится формообразующим фактором складывания новой политической системы. И лишь затем реализуется (или нет) в зависимости от конкретно-исторической обстановки, экономических кризисов, соотношения политических сил, примата идеологической иллюзии, традиций и парадигм мышления, и начинается осуществляться процесс конверсии политического статуса управляющих в статус собственников реального экономического ресурса, если сам метаморфоз разворачивается в плоскости модернизации той же самой (а, возможно, и предшествующей, нижнепорядковой стадии социальной организации) господствующей формы собственности; или, наоборот пропорционально, по мере складывания нового широкого слоя собственников, изменения социальной системы переходят в новую (для предшествующего периода уже недостижимую) стадию – первую пульсацию социальной мобильности уже нового общественного строя, когда весь класс управляющих опускается в реликтовую, в новых условиях общественно незначимую, сферу социального бытия. Новые собственники становятся действительными гражданами государства, получая права и свободы, вновь оставляя государству лишь внешнюю, по отношению к их статусу собственников и граждан, функцию защиты.

Цикл завершается и исторический процесс вступает в новую фазу своего развития. Естественно, каждый цикл конкретной истории государства и права уникален, и его описание принадлежит сфере чистой истории. Но, как показано в процессе анализа, в качестве модели, общих типичных черт и механизмов их реализации, он не в сознании, а в реальности имеет общие закономерности, анализ которых возможен уже в рамках философии истории, социальных и политических наук.

В строгих научных границах последних исторический цикл приобретает особую актуальность для современного развития России. Ибо если закономерности смены формаций, революционных и цивилизационных

сдвигов, механизмы реализации и исторический опыт других народов, социумов и цивилизаций в качестве методологических карт применимы к процессам экономики, политики и идеологии Российского государства, то это может иметь важное прикладное, практическое значение в их понимании и правильном, с точки зрения социального прогресса, применении в практике реформ. С этой точки зрения несомненный интерес представляет возможность анализировать процессы, происходящие в нашей стране, интерпретировать их с принципиально и качественно иных позиций, по сравнению с их описанием как в отечественной, так и в западной, либеральной или социалистической научных парадигмах.

Ответ на общецивилизационный вызов конца прошлого – начала нашего столетия, смысл и содержание которого заключались уже не просто в отказе от классических механизмов капиталистического способа производства, но и от форм и механизмов реализации его высшей и последней (что в действительности подтвердили более поздние цивилизационные процессы) – государственно-монополистической, – получил адекватный ответ во всех эпицентрах, но с разной степенью и неравномерной реализацией в конкретно-исторических формах общественно-государственного устройства конкретных стран мирового сообщества. Так, в США это был «новый курс» уже упомянутого Ф.Д. Рузвельта и кейнсианство как его научное обоснование; в европейских империалистических государствах – фашизм и нацизм (а позднее – голлизм); в Японии – военно-полицейский режим.

В нашей стране ответ на исторический вызов модернизации и цивилизационного сдвига был дан в форме реального социализма. Но если в США метаморфоз за счет неиспользованных возможностей и своеобразной традиции произошел (и длится до сих пор, лишь неравномерно флуктуируя к своим полюсам) в плоскости той же самой частной собственности, колеблющейся периодически от уже невозможных в чистом виде либеральных форм и государственно-монополистического капитализма (ГМК); в Европе с поражением в войне процесс пошел под патронатом доминирования американских ресурсов власти и собственности, то есть, под действием внешнего фактора, лишь в последние годы вновь обретающим свое традиционное лицо (особое место здесь мог бы занять анализ скандинавской модели цивилизационного сдвига); то в России собственно революционный, то есть переходный в своем качественном содержании процесс остановился на революции управляющих. То есть, с этих позиций обо всем периоде существования СССР можно говорить как о растянутом в нашем историческом времени переходном периоде.

Это стало возможным, во-первых, потому, что Октябрьская революция вслед за Парижской Коммуной попыталась дать ответ на фактический, то есть полный, объем исторического вызова – переход не к модернизации, понимаемой как фаза системного развития, а к смене качественно, принципиально различных по характеру и уровню социальных систем.

Во-вторых, так называемый переход начался в отсутствие благоприятных сопутствующих внешних факторов, наоборот, они, включая военную угрозу, во многом жестко детерминировали застывание революционного сдвига в границах его переходного периода и, в-третьих, в действительности, в силу исторического своеобразия, специфики и качественных особенностей этнической истории России и ее социально-экономических и политических форм.

Но для нас сейчас принципиально важно не это. По-настоящему интересным представляется то, что, выполнив ряд позитивных функций, таких как предотвращение экономической, социальной и военной катастроф, складывание единого мощного индустриального государства с лидирующей ролью в мировом геополитическом пространстве, революция управляющих не смогла (объективно или под воздействием субъективных, идеальных целей) решить свою главную задачу – осуществить конверсию основанной на общественном разделении труда господствующей формы собственности.

Превратившись в самоцель, революция управляющих не адаптировала к новым условиям старую собственность, понимаемую как частнокапиталистическая, и не осуществила перехода к новой – общественной – форме собственности на средства производства и результаты общественно-полезного труда. И в первом, и во втором случаях она (революция управляющих) могла бы считаться завершенной тогда, когда господствующая форма собственности получила бы максимальную тенденцию к дробности, рождая мощный класс своих носителей и, естественно, свободных (даже по отношению к ней), полноправных граждан общества. Роль государства закономерно свелась бы к охранным, внешним функциям, статус управляющих, как субъектов власти, перешел бы в статус реальных собственников как ее реальных носителей (причем, скалярно, так как, по-видимому, этот процесс не зависит от вектора социального движения, то есть от конкретной формы собственности в ее историческом проявлении). В границах складывающейся системы социальных отношений были бы заполнены все имеющиеся ниши, и она была бы готова к действительному и эффективному функционированию.

Но абсолютно естественное состояние государства, присущее ему в переходный период на любом отрезке истории, в России принимает не переходную, а как бы системную форму¹⁸. Новое качество – общественная собственность – лишь рядится в старые бюрократические формы и присутствует в идеологических построениях партийно-государственной пропаганды, а позднее – в реальном массовом образе жизни и общественном сознании (вот где действительная трагедия сегодняшнего дня). Но иначе и быть не могло, даже если исходить не из либерализма, классического

¹⁸ В предшествующих работах я ввел этот феномен в научный оборот под названием «революции».

марксизма или социал-демократизма, а даже из ленинского варианта теории социалистической революции.

При неготовности объективных факторов главным формообразующим и детерминирующим становится субъективный. Но все дело в том, что реальным субъективным фактором цивилизационного сдвига или возможности смены общественно-экономической формации является не наличие политической власти в руках гегемона, да и не класса, а вначале лишь его идеологов из старого господствующего слоя, а затем управляющей номенклатуры – имманентно выражающей интересы не основной политической системы – взглядов, традиций и образа жизни трудящегося населения, а собственно государства как самодостаточной и самодовлеющей структуры.

И еще об одной новелле современного методологического прочтения ситуации с демократическим выбором.

В прошлом веке элита развивающихся стран, вышедших из состояния колониальной зависимости, делилась на национальную и компрадорскую. В третьем тысячелетии появляется компрадорский тип государства, подчиняющий свою функциональную деятельность чуждому для национальной культуры коренному интересу. Более того, это уже не государство-аргумент и не государство-функция. Это – государство-посредник, государство-брокер. Оно не создает национальное богатство, а в виде ресурсов распродает его; оно не зарабатывает деньги, приращивая материальный национальный продукт, а живет на биржевой процент от мировой распродажи собственного народа, территории и всего того, что именуется государственным суверенитетом.

Если мы перенесем выделенные принципы на характеристику современного развития мира и нашей страны, то очень многие процессы станут объяснимыми с точки зрения их внутренней логики. Более того, понимание этой внутренней логики делает возможным эффективное управление процессом перемен, причем с максимальной вероятностью достижения искомого для данного сообщества результата. Так, совершенно прозрачной становится проблема властных отношений в современной России. В поле российского социума по мере нереализации тех системных целей, которые вызрели в ходе революционной ситуации 1980-х годов и были направлены на совершенствование структурных возможностей становления нового уровня, проявился распад самого социума, с одной стороны, продолжает свое существование передовая форма общественных отношений, которая была создана за предшествующие 70 лет прогрессивного развития. Она требует иного государства в качестве политического ядра, системные цели которого совпадали бы с интегративным вектором общественного интереса. С другой – субъективно сформирован правящий политический режим, не имеющий корней в российской социальной действительности. Его системный интерес

предполагает либеральные ценности, оператор управления экономикой, социальными приоритетами и политическими технологиями которых находится за пределами России. Соответственно, данному государству требуется качественно иное общество.

Подытожим сказанное. Эффективность социальной жизнедеятельности определяется механизмом взаимодействия капитала и власти. Капитал, выступая в форме общественного разделения труда в качестве основания простого и расширенного воспроизводства, формирует рыночные отношения; при переходе границы меры качественной определенности он превращается в средство для воспроизводства не своей сущности – товарной массы, а формы – финансовых потоков макроэкономики. В первом случае он выступает генератором социального разнообразия и формирует определенную модель гражданского общества; во втором, монополизируя сферы общественного производства, ограничивает рынок и приводит общество к редукции социальной стратификации.

Государственная власть как строй политического общения, в отличие от гражданского общества как строя частного общения, интегрируя политические притязания всей гаммы его участников, выступает как гарант и формообразующий фактор их реализации через систему существующего законодательства, тем самым оформляя правовую и организационную структуру социума. В случае превращения политической, особенно государственной, власти в товар, она становится наемным «совокупным работником» на службе у отдельного корпоративного или даже частного интереса. В данной ситуации государство как строй политического общения перестает существовать, перемещаясь в сферу частного или монополизованного корпоративного общения.

Источником социальных противоречий выступают коренные интересы капитализации внутренних и транснациональных корпораций и обслуживающих их социальных групп, как легальных, так и криминальных; полем конфликта внешнего и внутреннего, нормального и девиантного – политическая власть государства; центральным звеном – ее государственные служащие; детерминирующим всю гамму негативных процессов в интерактивном социальном пространстве механизмом – коррупция.

Ключевой структурой в этих условиях является государственная бюрократия. От того, насколько совпадают или расходятся в конкретно-исторических условиях три главных составляющих ее функционирования: служение обществу, обеспечение корпоративного интереса или обслуживание самой себя как самодостаточной кастовой структуры, во многом зависит если не содержание процесса перемен, объективно детерминированное социально-экономическим уровнем и историческим развитием социальной системы, но механизм его реализации и темпы осуществления.

Можно определять современное общество как демократическое или авторитарное, олигархическое, корпоративное или элитаристское, либеральное

или этатистское – в каждом определении будет как в зеркале отражаться не ослабление или усиление государства как института, а усиление того аспекта, который соответствует функциональному обеспечению господства той социальной силы, которая располагается в основании соответствующего определения. Поэтому либеральные утверждения о необходимости ослабления экономической роли и ухода государства из производственной сферы – не более, чем миф, рассчитанный на императивное усиление протворческой роли государства в интересах обеспечения господства монополий в социально-экономическом пространстве путем создания соответствующего правового поля.

Следовательно, то, что сегодня происходит в политической сфере, только кажется борьбой за государство или против него; на уровне сущности проблема формулируется иначе: борьба за использование всего, включая потенциал легитимного насилия, властного государственного ресурса, но не в интересах всего общества и его граждан, а в узко групповых корпоративных интересах.

Список литературы

1. Алексеева Т.А. Демократия как идея и процесс // Вопросы философии. 2003. № 6.
2. Адамс Г., Видал Г., Дидион Д. Демократия. М., 2013.
3. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 2013.
4. Вебер М. Избранное. М., 1990.
5. Восленский М.С. Номенклатура. М., 1991.
6. Гуггенбергер Б. Теория демократии // Полис. 1991. № 4.
7. Джилас М. Новый класс // Джилас М. Лицо тоталитаризма. М, 1992.
8. Доган Л. Пеласси Д. Сравнительная политическая социология. М., 1994.
9. Казанцев А. Суверенная демократия: противоречия и концепции // Политический журнал. 2007. № 7-8.
10. Кин Дж. Демократия и гражданское общество. М., 2013.
11. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: Сравнительные исследования. М., 1997.
12. Меланченко И.В. Афинская демократия. М., 2014.
13. Рассел Д. Имитационная демократия. М., 2013.
14. Рассел Д. Прямая демократия. М., 2014.
15. Милль Дж. Представительное правление. СПб., 1897.
16. Никитина А.Ю. Актуальные проблемы электоральной демократии в России // Законность и правопорядок в современном обществе. 2015. № 25.
17. Тихомиров Л.А. Россия и демократия. М., 2013.

18. Фурман Д. Проблема 2008: общее и особенное в процессах перехода постсоветских государств / Лекция. 2007.
19. Хайек Ф. Дорога к рабству // Вопросы философии. 1990. № 10-12.
20. Шапиро И. Переосмысливая теорию демократии в свете современной политики // Полис. 2001. № 4.
21. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995